

*Посвящается
Себастьяну Фоксу Блэку,
о ком на льду
не было написано ни одного
угрожающего послания.*

ПРОЛОГ

Издалека человек, с трудом ползущий вверх по белой поверхности ледника, напоминал муравья, неторопливо поднимающегося по гладкому склону обеденной тарелки. Далеко внизу беспорядочным множеством пятнышек раскинулся небольшой городишко Ла-Рисконада, ветер по мере восхождения усиливался, лупил по лицу мужчины снежными оплеухами и превращал в сосульки влажные пряди черных волос. Несмотря на желтые защитные очки, человек постоянно щурился от яркого блеска отраженных от снега закатных лучей.

И все же мужчина не боялся упасть, хотя у него и не было страховочных веревок и карабинов, только крюки да один ледоруб. Его звали Аластер Хант, и он был магом. Взбираясь, он подстраивал и изменял под себя мерзлую поверхность. Стоило ему в очередной раз поднять руку или ногу — и во льду появлялась удобная выемка.

К тому моменту, когда он наконец достиг пещеры, вход в которую находился примерно посереди-

не ледника, мужчина наполовину окоченел и успел до смерти устать после столь долгой и волевой борьбы с непогодой. Безостановочное напряжение магических сил опустошило его, но передохнуть он не посмел.

Вход в пещеру напоминал приоткрывшийся в склоне горы рот, и ни снизу, ни сверху увидеть его было невозможно. Мужчина перевалился через край и глубоко и неровно задышал, проклиная себя за нерасторопность и за то, что оказался одураченным. Жители Ла-Рисконада видели взрыв и испуганно перешептывались, гадая, что могло означать то удивительное явление, свидетелями которого они стали, — пламя за стеной льда.

Пламя за стеной льда. То был либо сигнал бедствия... либо началось нападение. В пещере находились маги, но они были или слишком старыми, или слишком юными, чтобы сражаться; раненые и больные; матери совсем маленьких детей, которых нельзя оставить, — среди них, впрочем, были жена и сын самого Аластера. Они прятались там, в одном из самых глухих мест на всей Земле.

Мастер Руфус настоял на этом, аргументируя свою позицию тем, что иначе они будут уязвимы и могут стать заложниками, и Аластер согласился. Но когда Враг Смерти так и не показался перед ожидавшей его защитницей магов, девушкой-творцом, на которую все они возлагали большие надежды, Аластер осознал собственную ошибку.

Он добрался до Ла-Рисконада так быстро, как только смог, большую часть пути пролетев на спине воздушного элементаля. Но дальше дорогу пришлось преодолевать на своих двоих — слишком уж непредсказуем и силен был вражеский контроль над стихиями. Чем выше Аластер взбирался, тем сильнее становился терзавший его ужас.

«Пусть с ними все будет хорошо, — подумал он, шагнув внутрь пещеры. — Пожалуйста, пусть с ними все будет хорошо».

Он уже должен был слышать детский плач. Должен был слышать гомон встревоженных голосов и гудение приглушенной магии. Вместо этого слух мужчины резало завывание ветра, хлеставшего одинокую вершину горы. Белые ледяные стены пещеры кое-где были испещрены красными и коричневыми оспинами — следами от попавших на них капель теплой крови. Сняв очки и бросив их на пол, Аластер пошел вглубь, держась из последних сил.

Стены пещеры испускали потустороннее фосфоресцирующее сияние. Вдали от входа оно стало единственным источником света, поэтому неудивительно, что мужчина споткнулся о чье-то тело и едва не упал на колени. С криком Аластер отпрыгнул в сторону и поморщился, услышав эхо собственного вопля. Тело лежащей на полу волшебницы было обуглено до неузнаваемости, но на ее запястье темнел браслет с большой кованой медной пластиной, означающий, что она учени-

ца второго года Магистериума. Девочке было не больше тринадцати.

«Тебе уже пора привыкнуть к смерти», — сказал себе Аластер. Война с Врагом длилась уже десятилетие, хотя иногда складывалось ощущение, что целое столетие. Поначалу все казалось нереальным — чтобы какой-то юноша, причем один из творцов, вознамерился подчинить саму смерть! Но по мере того как Враг наращивал силы, а его армия Охваченных хаосом росла, исходившая от них угроза стала неотвратимой... и это вылилось в жестокие убийства беззащитных и невинных.

Аластер выпрямился и пошел дальше в глубь пещеры, в отчаянии оглядываясь по сторонам в поисках одного-единственного лица. Он шел мимо трупов старейших мастеров Магистериума и Коллегиума, детей друзей и знакомых, магов, раненных в прошлых битвах. Среди них лежали изуродованные тела Охваченных хаосом, их глазаворонки потемнели навсегда. Хотя здешние маги явно не ожидали нападения, судя по всему, они сумели оказать достойное сопротивление, раз смогли повергнуть столько вражеских солдат. В желудке Аластера плескался ужас, пальцы на руках и ногах онемели, но он продолжал идти через побоище... пока не увидел ее.

Сару.

Он обнаружил ее лежащей в самом конце пещеры у стены из мутного льда. Широко открытые

глаза женщины смотрели в пустоту. Зрачки будто подернулись дымкой, а ресницы заледенели. Наклонившись, Аластер погладил холодную щеку. Горло перехватило, и наружу вырвался всхлип.

Но где их сын? Где Коллам?

В правой руке Сары был зажат кинжал. Ей превосходно удавалась работа с рудой, добытой из самых глубин земли. Она сама выковала этот кинжал в их последний год обучения в Магистериуме. У клинка даже было имя — Семирамида. Аластер знал, как сильно Сара дорожила им. «Если мне придется умереть, я хочу уйти, держа в руке свое оружие», — часто говорила она ему. Но он совсем не хотел ее смерти.

Пальцы Аластера соскользнули с холодной щеки жены.

Раздавшийся вдруг плач заставил его резко обернуться. В этой пещере, полной смерти и тишины, — и вдруг плач!

Ребенок.

Его глаза забегали по сторонам в поисках малыша. Похоже, плач доносился со стороны входа. Аластер метнулся назад, туда, откуда пришел, перепрыгивая через тела — одни еще мягкие, другие окоченевшие, как статуи, — пока его взгляд не наткнулся на еще одно знакомое лицо.

Деклан. Брат Сары, раненный в последней битве. Судя по синему лицу и красным от лопнувших сосудов белкам глаз, его задушили осо-

бенно жестоким образом — с помощью магии воздуха. Одна его рука была вытянута в сторону, и прямо под ней, защищенный от ледяного пола шерстяным одеялом, лежал младенец — сын Аластера. Мужчина в изумлении остолбенел, и в этот миг малыш открыл рот и издал тоненький мяукающий звук.

Словно все еще не смея себе поверить, Аластер, дрожа от нетерпения, нагнулся и поднял сына. Мальчик посмотрел на него большими серыми глазами и вновь закричал. Одеяло скользнуло в сторону, и Аластер увидел причину. Левая нога малыша загибалась под неестественным углом, будто сломанная веточка.

Аластер попытался призвать магию земли, чтобы исцелить сына, но его сил хватило лишь на то, чтобы слегка унять боль. Он почувствовал, как учащается его пульс, туго обернул малыша одеялом и побежал по пещере туда, где лежала Сара. Маг опустился на колени рядом с телом жены и показал ей младенца, как если бы она действительно могла его видеть.

— Сара, — прошептал он, сглатывая слезы. — Я расскажу ему, что ты умерла, защищая его. Он будет расти, зная, какой смелой ты была.

Ее глаза, пустые и побелевшие, смотрели на него. Аластер прижал малыша к себе и потянулся, чтобы забрать Семирамиду из руки жены. И в этот момент заметил отметины на льду вокруг лезвия,

ЖЕЛЕЗНОЕ ИСПЫТАНИЕ

похоже, Сара, умирая, царапала лед ногтями. Но странное дело — отметины были слишком похожи на буквы. Аластер наклонился и понял, что это и в самом деле слова — слова, которые его умирающая жена из последних сил нацарапала во льду пещеры.

Каждое прочтенное слово мощным ударом кулака отозвалось в его животе.

УБЕЙ РЕБЕНКА

ГЛАВА 1

В своем маленьком городке в штате Северная Каролина Коллам Хант был легендой, но не в хорошем смысле этого слова. Известный умением унизить любого учителя своими язвительными замечаниями, он также специализировался в доведении до белого каления директоров школ, дежурных по столовой и буфетчиц. Консультанты по выбору будущей профессии, всегда поначалу горящие решимостью помочь мальчику (ведь бедняжка лишился матери!), в итоге мечтали лишь о том, чтобы он больше никогда не показывался на пороге их кабинета. Только представьте, каково это — когда не можешь дать достойный отпор ехидству озлобленного двенадцатилетнего ребенка!

Вечно хмурый, с растрепанной черной шевелюрой и глядящими с подозрением серыми глазами, Колл был хорошо известен всей округе. Он любил кататься на скейтборде, правда, у него ушло немало времени, чтобы с ним освоиться: на некоторых машинах до сих пор можно было заметить вмятины — свидетельства его первых попыток прокатиться. Коллама часто можно было увидеть бол-

тающимса без дела перед витринами магазинов комиксов, игровых автоматов и видеоигр. Даже мэр знал о проделках Коллама. Сложно забыть мальчишку, который во время первомайского парада незамеченным пробрался в зоомагазин и утащил грызуна из семейства землекоповых, предназначенного на съедение боа конструктору. Коллам пожалел слепое, голое, в складках создание, которое явно не может постоять за себя, вдобавок во имя справедливости выпустил всех белых мышей, которые должны были стать ужином удава.

Коллам и подумать не мог, что мыши, хотя и не отличаются сообразительностью, бросятся прямо под ноги участникам парада. Он также не ожидал, что зрители разбегутся от мышей в разные стороны, хотя людям тоже не всегда свойственно вести себя разумно, как заметил отец Колла, когда все закончилось. В том, что парад оказался сорван, не было вины Колла, но все — особенно мэр — были уверены в обратном. Но хуже всего оказалось то, что отец заставил Колла вернуть грызуна.

Отец не выносил воровства.

По его мнению, оно было практически равносильно магии.

Ерзяя на жестком стуле перед кабинетом директора, Коллам гадал, придется ли ему идти завтра в школу, и если нет, будет ли кто по нему скучать.